

**РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

УДК 94(470.5). 325.111

ББК ТЗ(2)

ГСНТИ 02.23

Код ВАК 94(470)

О. В. Горбачев

Екатеринбург

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО ГРАДООБРАЗОВАНИЯ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанизация, Россия, Урал, Центральная Россия, модернизация, демографические процессы.

АННОТАЦИЯ. В статье путем сравнения процессов урбанизации в двух промышленных регионах анализируется специфика формирования российской городской среды, оцениваются ее особенности. Делается вывод, что, несмотря на схожие количественные показатели, уральская урбанизация развивалась с гораздо большим количеством издержек и проблем, чем в Центральной России, что не могло не сказаться на качестве местной городской среды и состоянии демографического развития.

O.V. Gorbachev

Yekaterinburg

**REGIONAL FEATURES OF FORMATION OF A
CITY SETTLEMENT NETWORK IN RUSSIA**

KEY WORDS: urbanization, Russia, the Urals, Central Russia, modernization, demographic processes.

ABSTRACT. In the article by comparing the rates of urbanization in two industrial regions analyzed the specific of the Russian urban environment development, its features estimated. It concludes that despite the similar quantitative indicators Ural urbanization has evolved with much greater amount of the costs and problems than in Central Russia, which could not but affect the quality of the local urban environment and the state of demographic development.

¹ Тема поддержана грантом РГНФ 11-01-12044в «Историко-географический справочник “Населенные пункты Свердловской области”».

Понимание цивилизационных особенностей развития России невозможно без учета фактора урбанизации. Современные российские города, как и городские поселения прошлого, имеют определенную специфику, обусловленную географическими, политическими, экономическими, социальными факторами. Для понимания характера и динамики исторического развития конкретной территории в контексте регионального компонента школьного образования необходимо привлечение внимания к этим особенностям.

В современной историографии доминирует восприятие российской урбанизации в модернизационном контексте. Именно поэтому периодизация урбанизации, равно как и характеристики ее качества обоснованно выводятся из специфических черт процесса модернизации в России (18; 19; 23). Сегодня можно говорить о существовании сложившейся традиции изучения отечественной урбанизации, рассматривающей все основные ее аспекты: поселенческий, демографический, экономический, социальный, социокультурный (2; 5; 6; 9; 11; 12; 14; 16; 18; 21; 22).

По-прежнему существует определенная условность в определении сельского или городского статуса поселения в России. Едва ли не первая попытка соотнесения формального и реального городского статусов была предпринята В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в начале XX в., когда он выделил минимальные критерии «истинного» города (людность не менее 1 тыс. жителей и торгово-промышленный оборот не менее 100 тыс. руб.) (8. С. 79). Характерно, что значительная часть тогдашних российских городов не соответствовала заявленным критериям и попала в категорию «мнимых». Предложения Тянь-Шанского не были приняты во внимание сто лет назад, не действуют они и теперь. Проблема отсутствия четких критериев в определении города в том, что города «назначаются» государством, а оно на протяжении последних 300 лет руководствовалось в этом процессе самыми разными соображениями.

Урбанизацию *имперского периода* можно определить как преимущественно военно-административную, исходя из

целей централизации, обороны и необходимости колонизации национальных окраин. В границах же *советского периода* процесс урбанизации очевидно детерминировался экономическими целями, поэтому можно говорить о ее индустриально-административном характере. Присутствие в обоих случаях административной составляющей вытекает из особой роли государства в российской модернизации (10).

При всей однобокости градообразования имперского периода государственные приоритеты этого времени не исключали городского развития ряда ремесленных, торговых, духовных и прочих центров. Так, если в середине XVIII в. большинство русских городов представляли собой военно-административные центры с преобладающим аграрным сектором экономики, то через 100 лет таких городов осталось всего 27 % (13. С. 229). В ходе формирования советских городов ситуация была более сложной. Как заметил А. С. Сенявский, «мировая война, революция и гражданская война смели те основные социальные категории, которые собственно и составляли основу дореволюционных городов. Теперь их наполняли покинувшие родные места крестьяне» (15. С. 82). Происшедшие социальные изменения способствовали редуцированию существующих городов до промышленных центров, а большинство новых городов изначально создавалось в этом качестве.

Причинами переноса акцентов в процессе градообразования в XX в. от административно-военной к индустриально-административной модели можно считать:

1) завершение процессов колонизации; временное решение национального вопроса в результате реализации советского федерализма, что позволило обеспечить лояльность национальных территорий и не требовало активного использования военной силы;

2) осознание властью необходимости индустриальной модернизации как условия выживания и укрепления государства;

3) идеологические приоритеты власти, рассматривавшей в качестве собственной социальной базы прежде всего городской пролетариат.

Ситуация, однако, такова, что оценивать качество урбанизации на конкретной территории, опираясь исключительно на формальный статус поселений, невозможно. Это особенно очевидно на примере Урала в XIX в., где при относительно небольшом количестве официальных городов существовала развитая, вполне урбанизированная горнозаводская среда. Наряду с долей городского населения в качестве критериев урбанизации современные исследователи предлагают учитывать людность сельских поселений и поселков городского типа, уровень экономического развития территории (под которым подразумевается доля несельскохозяйственных занятий местного населения) (15. С. 214–215). При анализе урбанизации XX в. в перечень очевидных критериев добавляются и сроки урбанизационного перехода, когда преимущественно сельское население замещается преимущественно городским.

Признавая однобокий, несбалансированный характер отечественной урбанизации, необходимо учитывать, что степень конфликтности процесса сильно различается от региона к региону. В конечном счете это сказывается на устойчивости городского развития, его перспективах. На наш взгляд, серьезной эвристической ценностью обладает сравнение урбанизированных территорий разных типов. Мы взяли для анализа Уральский регион и Центральную Россию в границах соответствующих экономических районов.

В настоящее время обе территории считаются высокоурбанизированными, имеют статус промышленно развитых и характеризуются схожими сроками урбанизационного перехода (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная динамика урбанизационного перехода по территориям Центральной России и Урала в XX в.

Этапы урбанизационного перехода	Области Центральной России	Области и республики Урала
Ранний (до 1941 г.)	Московская, Ивановская	Свердловская, Челябинская
Относительно ранний (до 1961 г.)	Тульская, Ярославская, Владимирская	Пермская
Средний (до 1970 г.)	Калининская, Костромская, Калужская	Удмуртия, Оренбургская
Поздний (после 1970 г.)	Смоленская, Брянская, Рязанская, Орловская	Башкирия, Курганская

Сост. по: (7. С. 35; 11. С. 64).

Как видим, области и республики в границах каждого из указанных районов распределились по срокам перехода достаточно пропорционально. Доля территорий с ранним переходом (первые два этапа) практически одинакова (Центр – 41,6 %, Урал – 42,8 %). Однако путь, пройденный регионами в направлении урбанизационного перехода, был различным.

Начнем с того, что урбанизация в европейской России была более ранней. Постепенно она продвигалась с запада на восток, идя следом за заселением новых земель. Если в Центре доминировал аграрно-административный город, то в районах нового освоения процесс носил выраженный военно-административный характер, причем во времени эта особенность изменялась крайне медленно. Например, по состоянию на 1826 г. военные составляли 83,3 % от общей численности населения города Омска (1). В восточных районах страны именно государство возлагало на себя бóльшую часть градообразующих функций даже в том случае, когда некоторые города возникали на основе экономической функции, как это было на Урале (15. С. 77). Говоря об экономической

составляющей, следует также вспомнить, что уже с петровских времен и Центр, и Урал имели статус промышленных центров, хотя их специализация серьезно отличалась. В Центральном Нечерноземье преобладали ремесло и мелкотоварные кустарные промыслы. Районы нового освоения (Северо-Запад с Петербургом и Урал), признанные стратегически важными для государства, стали местом расположения крупных предприятий тяжелой промышленности (15. С. 121).

Главным преимуществом утвердившейся в Центре модели развития стала возможность естественной эволюции производства при постепенном подключении временной и постоянной рабочей силы из близлежащей сельскохозяйственной округи. Это способствовало гораздо более естественной городской эволюции от военно-административных к промышленным и торговым поселениям. Постепенно здесь формировалась более гармоничная городская среда, создавались условия для устойчивого роста. Что особенно важно в российских условиях, города Центра значительно меньше зависели от экономической конъюнктуры и легче переживали изменение региональных приоритетов в политике властей. Особенно наглядно это проявилось в ситуации экономического кризиса на рубеже XIX–XX вв.: предприятия легкой промышленности Центра, многие из которых были организованы по принципу рассеянной мануфактуры, практически не пострадали в условиях прекращения потока иностранных кредитов, в отличие от крупных заводов Северо-Запада и Юга страны.

Подобный сценарий развития событий был невозможен для Урала с его гораздо менее плотным населением. Более того, очень долго Урал не воспринимался в качестве самостоятельного региона и главной его ценностью была дорога в Сибирь (20. С. 173). Эта особенность региона играет немаловажную роль по сей день и проявляется в интенсивной механической подвижности населения, создавая ему репутацию «страны мигрантов». Начало промышленного освоения Урала мало повлияло на характер его развития. Оно продолжалось в форме колонизации, на этот раз промышленной (20. С. 192).

Урал особенно хорошо демонстрирует, что индустриализация и урбанизация в императорской России были процессами непараллельными. С самого начала (с петровского указа 1717 г.) мелкое производство вытеснялось здесь металлургической мануфактурой (20. С. 194), что сказывалось на социальном составе населения осваиваемых территорий. В этой протоурбанистической среде уже тогда угадывались признаки современных уральских «моногородов». Частный капитал, укоренившийся на уральских заводах в последней четверти XVIII в. с принципом горнозаводских лагифундий «иметь все свое» (20. С. 196) увеличил разнообразие профессий местных жителей, но не способствовал развитию торговли, обычному занятию жителей развитых городов.

Приход частного капитала на уральские предприятия в системе имперского градообразования фактически отдалял получение горнозаводскими поселениями формального городского статуса, поскольку выводил эти поселения из сферы обычного административного контроля. Единственное исключение – «горный город» Екатеринбург (1806–1856 гг.). Достаточно красноречив пример заводского Алапаевска: в 1796 г. он был переведен Павлом I из уездного центра в заштат и пребывал в этом качестве вплоть до советского времени.

Обретение Екатеринбургом особого «горного» статуса явно противоречило прежней практике градообразования. Горное ведомство было подконтрольно министерству финансов, которое в истории России XIX в. обычно выступало «модернизатором», а система административной власти подчинялась министерству внутренних дел, игравшее роль «охранителя» (ср. более позднее противостояние С. Ю. Витте и В. К. Плеве). Характерно, что официальная переписка между губернской Пермью и «горным» Екатеринбургом отсутствовала, и все контакты шли исключительно через центр. При этом губернатор обращался к МВД, а начальник заводов – к минфину (20. С. 256). Как обычно бывало в таких случаях, охранительная линия взяла верх. Утрата Екатеринбургом статуса «горного города» означала, таким образом, возврат к чисто административному вектору в урбанизации.

Малое количество официальных городов на Урале объясняет существование большого разрыва в уровнях урбанизации по сравнению с европейской частью страны в начале XX в. (на Урале в этот период было 5,2 % городского населения, а в европейской России – 12,9 %) (15. С. 217).

Бурный рост уральского городского населения в советский период привычно объясняется интенсивной индустриализацией. Действительно, за 1926–1959 гг. численность городского населения на Урале увеличилась в 5,6 раза. К середине XX в. городского населения на Урале было 57,9 %, тогда как в России – 52 % (15. С. 226). А. Г. Оруджиева отмечает, что подавляющее большинство поселков, преобразованных в города в это время, возникли в XVII–XIX вв. [15, с. 226]. Фактически, в рамках советского индустриального проекта речь шла об административной институализации уже вполне урбанизированной промышленной горнозаводской среды. И подобно тому, как в имперское время власть игнорировала в городском развитии все то, что не относилось к прагматическим управленческим функциям, советское государство во главу угла ставило промышленный потенциал поселения. Как и прежде, «путевка в жизнь» выражалась в придании поселению административной функции. В этой ситуации прежние административные центры, обойденные «индустриальной лихорадкой», такие как Верхотурье, Ирбит, Оханск, Туринск, Чердынь и т. п. имели мало шансов занять достойное место в новой городской иерархии. В новой реальности промышленно развитый Екатеринбург (Свердловск) впервые оказался важнее Перми, а железнодорожная Тюмень – важнее Тобольска.

Характерно, что в центральной России гораздо меньше примеров утраты прежнего весомого статуса за столь ограниченное время. Города центральной России, приобретшие вес к XVII–XVIII вв., обычно его сохраняли. Здесь не было столь жесткой зависимости от экономической конъюнктуры, как на Урале (прежде торговой, затем индустриальной). В тяжелые времена население ближней сельской округи на время возвращалось к своим прежним занятиям, готовое снова заняться отходом, если это станет выгодно. Более скудное

уральское население было гораздо менее миграционно устойчивым. Отсутствие очередных государственных вливаний в центре означало очередной некатастрофичный возврат к традиции, на Урале – непрерывный отток в более благополучные регионы.

Городской статус, полученный прежними горнозаводскими поселениями, очень мало отразился на качестве жизни местного населения. В период с 1926 по 1939 г. отмечалась сильная маргинализация городского населения Урала (15. С. 235). Это явление было отражением общероссийских процессов, но с учетом темпов роста городов ощущалось сильнее. Уральские города были гораздо хуже обустроены, чем города в Центральной России. Здесь было существенно меньше нормального жилого фонда, зато строилось огромное количество бараков. Впоследствии ситуация менялась в лучшую сторону, но медленнее, чем в Центре, в том числе из-за закрытого статуса многих уральских городов (они не претендовали на роль «витрины социализма»).

Рост городов Центральной России в годы индустриализации в большой степени шел за счет ближней сельской округи, т.е. рост городского населения происходил более или менее пропорционально убыванию сельского. Характерно, что на фоне громадного роста населения уральских городов местное сельское население сократилось всего на 17,8 % (15. С. 226). Это явление имело крайне негативные последствия в 1960-е гг., когда отрасли, давшие толчок первой промышленной революции, оказались в упадке и сформировался запрос на развитие химии, нефтехимии, электроники и электротехники. В СССР, где не работала рыночная конъюнктура, находящая выражение в безработице, падении объемов производства, фактором депрессивности являлся демографический отток из городов (4. С. 290, 292). Государство изначально контролировало процесс саморазвития этих городов, но в сложный период отказало им в помощи. Если в Центре было проведено перепрофилирование малорентабельных предприятий, то на Урале проблема была передана в ведение отраслевых министерств и там забыта (3. С. 166, 169).

Промышленные города Урала начали стремительно терять население, причем основной поток мигрантов направлялся за пределы региона. Уральская городская промышленная среда, сформировавшаяся в результате «промышленной колонизации», не имела прочной связи с местной сельской поселенческой сетью, что непосредственным образом отразилось на ее устойчивости. По подсчетам С. А. Баканова, на Урале находились 26 из 49 депрессивных городских поселений РСФСР, как правило, промышленных (4. С. 290).

Большее сходство сценариев городского развития Урала и Центра в XX в. прослеживается на примере южных территорий обоих регионов, поздно вступивших в фазу урбанизационного перехода. Здесь мы имеем дело с менее развитой городской средой при наличии значительного сельского окружения. К примеру, в 5 городах Оренбургской области в 1926 г. проживало 90 % всего городского населения (в 11 городах Свердловской – только 51 %) (15. С. 219). Похожая ситуация наблюдалась в юго-западных областях Центра – Брянской, Орловской. Результатом более позднего городского развития без очевидного форсирования естественных процессов стала более комфортная демографическая ситуация, отсутствие резких перепадов в динамике численности городского населения.

Итак, в XX в. Урал не вполне избавился от наследия «колониационного освоения», что прямо сказалось на качестве местного городского развития. Советский сценарий индустриально-административной урбанизации оказался даже более жестким по сравнению с имперским вариантом, дававшим больше возможностей для саморазвития городов. Вместе с тем унификация городских функций, имевшая место в СССР, сильно способствовала сглаживанию местных особенностей урбанистического развития. Сейчас, когда поселенческая сеть страны постепенно редуцируется до городов (22), различия между центром и тем, что прежде было принято называть периферией, стираются окончательно. Хочется верить, что в нынешней ситуации более комфортный сценарий урбанизации территорий юга окажется в состоянии предложить больше

вариантов борьбы с нарастающей угрозой депрессивного развития ряда центральных и уральских регионов и не сделает их заложниками мегаполисов.

Литература:

1. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001. URL: <http://kulgor.narod.ru/monoalisov/m5.html> (дата обращения: 10.06.2012).
2. Ахизер А. С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. №1.
3. Баканов С. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг.: варианты развития неравновесных социальных систем // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. статей. Челябинск, 2003.
4. Баканов С.А. Факторы формирования депрессивных тенденций в развитии уральских городов во второй половине XX в. // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX в. М., 2006.
5. Вишнеvский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
6. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т. 1. М., 1995.
7. Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.
8. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
9. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
10. Лейбович О. Н. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996.
11. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012.
12. Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в. Екатеринбург, 2006.
13. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг. Л., 1990.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Тт. 1–2. СПб., 1999.
15. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000.
16. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №1.